

«Исповедь моя кончена, государь! Она облегчила мою душу» [Бакунин 1921: 184], – пишет Бакунин в заключение, и, несмотря на то что диалога «сердца с сердцем» не вышло, можно судить о логичном завершении его «Исповеди» как текста, литературного произведения в жанре исповеди с точки зрения «языковой практики» автора и героя.

Список литературы

Бакунин М.А. Исповедь и письмо Александру II / М.А. Бакунин; вступ. ст. В. Полонского; ред. журнала «Исторический архив». М.: Госиздат, 1921. – 142 с.

Ермоленко С.И. Лирика М.Ю. Лермонтова: жанровые процессы / С.И. Ермоленко. – Екатеринбург: УрГПУ, 1996. – 420 с.

Иванов-Разумник Р.В. Общественные и умственные течения 30-х годов и отражение в литературе / Р.В. Иванов-Разумник // История русской литературы XIX века / под ред. Д.Н. Овсяннико-Куликовского. – Т. 1. – М., 1916. – С. 247-276.

Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий / Т.В. Матвеева. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. – 172 с.

Печерин В.С. Замогильные записки / В.С. Печерин // Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи. Мемуары современников / под ред. И.А. Федосова; коммент. С.Л. Чернова. – М., 1989. – С. 148-311.

Сапожникова Н.В. Эпистолярный дискурс как социокультурный феномен. Россия – век девятнадцатый / Н.В. Сапожникова. – Екатеринбург: [б. и.], 2003. – 268 с.

Тюпа В.И. Аналитика художественного: введение в литературоведческий анализ / В.И. Тюпа. – М.: Лабиринт, 2001. – 189 с.

Тюпа В.И. Парадоксы уединенного сознания – ключ к русской классической литературе / В.И. Тюпа // Парадоксы русской литературы: сб. статей / под ред. В.М. Марковича. – СПб., 2001. – С. 174-192.

Уваров М. Архитектоника исповедального слова / М. Уваров. – СПб.: Алетейя, 1998. – 243 с.

Флоровский Г. Пути русского богословия / прот. Г. Флоровский. – [Минск]: Изд-во Белорусского Экзархата, 2006. – 607 с.

О ГРАНИЦАХ ШКОЛЬНОЙ ДРАМАТУРГИИ ФЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА

И.А. Санников

*Научный руководитель: Е.Е. Приказчикова,
доктор филологических наук, профессор (УрФУ)*

Русская драма, определяемая учеными в границах последней трети XVII – первой трети XVIII века, на первый взгляд, позволяет по отношению к себе проводить дескриптивное изучение (по типу главы в учебнике или обзорном курсе). С учетом исторических обстоятельств она предстает как отдельное целое и вполне может именоваться драмой

«начальной поры». Подразумевается противопоставление, во-первых, периоду «предыстории» театра, «предтеатральности», включающему в себя обрядово-фольклорные игрища, церковную службу (литургия, «хождение на ослиати» в Вербное воскресенье, «пешное действо»), дворцовый церемониал и тому подобные явления «драматичности» (элементы драмы и диалогичности в древнерусской литературе). Во-вторых, драма 1670–1730-х годов противопоставлена драме русского классицизма [ИРД 1982: 58-180; Стенник 1989: 24-26; Одесский 2004: 7].

Однако проводимые границы в большей степени ставят проблему, чем позволяют описать явление. Данный термин («начальная драма») охватывает гетерогенные театральные традиции, которые оказались объединены лишь на основании как единого хронологического бытования (от «тишайшего» царя Алексея Михайловича до императрицы Анны Иоанновны), так и пространственного (Россия в тогдашних ее пределах). Потому корректнее говорить не о «начальной» драме как таковой, но о ее составляющих. Такими составляющими являются иностранная, школьная и придворная системы.

В России в эпоху классицизма главным двигателем развития литературы на всем протяжении XVIII в. оставался пафос государственного строительства и общественных преобразований. Отсюда – развитие в русской литературе XVIII в. прежде всего двух основных направлений: высокой гражданско-патриотической одической поэзии и критического, сатирического обличения пороков русского общества и государства.

Ведущую роль в первые три десятилетия XVIII в. играет литература, призванная пропагандировать важнейшие события политической жизни и те новшества, которые несла с собой преобразовательная деятельность Петра I. Выполняя прежде всего прикладную, «утилитарную» функцию, искусство слова нередко выступает в эту пору в союзе с другими видами искусства (архитектурой, скульптурой, живописью, графикой). Аллегоризм и символика были присущи и панегирическим драмам, постановка которых на сцене школьных театров также входила в программу официального праздничного ритуала или приурочивалась к важным событиям в жизни государства.

Русская школьная драматургия начала XVIII в., как и XVII в., была преимущественно связана с украинской и польской, причем для всех них было характерно сочетание сценических традиций Средневековья, Ренессанса и барокко: библейские сюжетные мотивы, олицетворение христианских добродетелей, включение в текст церковных песнопений и в то же время – образы античной мифологии, персонификация отвлеченных понятий и частей света, сложные сценические эффекты.

Наблюдается обусловленная спецификой адресата (ученик, а в

дальнейшем любой поучаемый зритель) тенденция к выбору в качестве источников преимущественно библейских сюжетов. При этом придание злободневной тематики постановкам, основанным на этих сюжетах, в большей степени свойственно именно школьной системе. Это не значит, что злободневными не были постановки придворной и иностранной системы, но тематика в них была направлена непосредственно на создание очередного панегирика царствующей особе, а в школьной системе возможно было даже некоторое противостояние власти.

Выдающимся представителем школьной драматургии был Феофан Прокопович. Сам факт его активной деятельности в пору петровских реформ, тесное общение с императором, а также то, что он даже после смерти своего покровителя продолжал оставаться в гуще событий – вплоть до 1736 года – свидетельствует о незаурядном характере личности Прокоповича.

Исследование трагедокомедии «Владимир», «Поэтики», а также творчества Феофана Прокоповича как проповедника привело нас к заключению, что указанное драматическое сочинение находится в тесной связи с прочими трудами данного автора.

Трагедокомедия отвечает заявленным в «Поэтике» принципам, таким как пятиактная структура, соблюдение выдержанности в использовании аллегорий, образов, риторических фигур, а также и в том, что драматическое произведение должно ориентироваться на здравый смысл и естественность. Феофан высказывался против внесения в новую поэзию аллегорических имен, заимствованных из языческой культуры, как самостоятельных факторов, допуская лишь прием метонимии. Однако он допускал присутствие истинных лица Бога, ангелов, демонов при условии, что приписываемые им действия будут правдоподобными. Это наглядно демонстрирует трагедокомедия, в которой бес хулы, бес мира, бес тела оказываются напрямую соотносимыми с языческими жрецами.

В выборе содержания своей школьной драмы Прокопович также несколько отступает от обычая Киевской и Московской академической сцены. В Киевской академии содержание школьных пьес преимущественно черпалось из Священного Писания и житий святых, а в Московской выдвигалось на первый план содержание панегирическое: школьная сцена Москвы пыталась овладеть современными политическими событиями. Прокопович же черпает содержание своей пьесы из древней русской истории. Это соотносится с его представлениями о задачах красноречия, которое должно ко всему прочему прославлять соответствующие страницы Отечественной истории.

Исследование этапов развития драматического искусства России в XVIII в. привело к выводу о том, что с точки зрения содержания налицо скорее близость драмы первой трети XVIII в. и классицистической. Они

равно идеологичны. Пропагандистское «послание» равно нацелено на апологию «общего блага». Акценты, правда, поставлены иначе: если в «начальных» драматических произведениях правитель подает пример служения высокому идеалу, то, к примеру, Сумароков сам представляет должные примеры правителю.

Неудивительно, что классицистические произведения оказываются напрямую обязанными школьным драмам. Содержание первой трагедии Ломоносова «Тамира и Селим» (1750), по мнению исследователя, «сводится к доказательству идеи неизбежного торжества истинной справедливости над гордыней, властолюбием и злом. По существу, подобные решения исторической темы делают Ломоносова своеобразным продолжателем традиций панегирических драм школьного театра петровского времени, имевших зачастую открыто политический, хотя и аллегорически выраженный смысл» [ИРД 1982: 71].

Впрочем, существенное различие драмы первой и второй трети XVIII века в подходе к человеку столь же очевидно, как и их «идеологическая» родственность. Первую отличает не подлежащее обжалованию деление персонажей на «хороших» и «плохих» и замещение многостороннего характера множеством односторонних персонажей. Вторую – стремление к «правдоподобию» (с соблюдением классицистических условностей) «психологизму».

Формальное несходство драмы первой и второй трети XVIII в. имеет принципиальный характер. Если первая подчиняется установке на недраматичность, тяготея к адаптациям готовых повествовательных текстов (библейские и агиографические сказания, авантюрные повести), то вторая – собственно драматична. Создаются сюжеты оригинальные и изначально приспособленные к сценической реализации. Если первые исполняются порой лишь для того, чтобы появился повод напечатать сокращенное изложение, то вторые, напротив, печатаются потому, что это – трагедии (к комедиям это относится в меньшей степени), занимающие высокое место в жанровой «табели о рангах». Если первые предполагают смешение патетического и комического, то вторые построены на жестком противопоставлении.

В то же время наблюдаются определенные «рецидивы» поэтики школьной драмы. Дело касается сопутствующего основному драматическому тексту текста, его дублирующего. В школьной драме было принято предварять пьесу своего рода «аргументом», «рефератом» [Одесский 2004: 228], кратко излагающим содержание, а также содержащим авторскую установку на должное восприятие всей драмы. В связи с искомой не-драматичностью, для школьной театральной системы это было вполне естественно. Но это противоречило классицистическим установкам на «замкнутую драму».

Одесский пишет о том, что Сумароков не пользовался этим композиционным приемом, в то время как прошедшие школьную выучку Тредиаковский и Ломоносов не отказывались от него, но считали нужным преобразовывать, адаптируя к новым эстетическим задачам. «Своеобразие драматургической системы, воплощенной в пьесах Ломоносова, проявляется уже во внешних принципах оформления трагедий. К каждой трагедии им приложено “Краткое изъяснение”, которым зритель (или читатель) вводится в курс происходящего на сцене. Здесь сжато излагались события, предшествовавшие действию трагедии и содержавшие завязку основных перипетий сюжетной фабулы. Попутно автор формулировал центральный тезис, основную идею трагедии, что должно было служить для публики ориентиром в понимании смысла представления» [ИРД 1982: 69-70]. Характерным здесь оказывается пример полного заглавия трагедокомедии Прокоповича: *«Владимир славеннороссийских стран князь и повелитель, от неверия тми во великий свет Евангельский Духом Святым приведен в лето от Рождества Христова 988; ныне же в преславной Академии Могило-Мазеповской Киевской, приветствующой ясневелможного Его царского пресветлого Величества воиска Рожского обоих стран Днепра гетмана слав-чину святого Андрея апостола кавалиера на Мазети, превеликаго своего ктитора, на позор российскому роду от благородных российских сынов, добре zde воспитуемых, действием, еже от –ов нарицается трагедокомедия, лета господна 1705, июля 3 дня, показаний»*.

Воедино собраны тема, сюжет, подчеркнута прямая соотнесенность содержания с настоящим для автора временем, а также выражено отношение к этому времени (через упоминание о неоднозначной фигуре гетмана Мазепы).

Исследование проблем заимствований и влияний тех или иных составляющих школьной драматургии проливает свет на связи культурного процесса, позволяет осмыслять его в не линейной, а более сложной форме, придает ему в тоже время более целостный характер. Статья, разумеется, не решает поставленной проблемы, однако предлагает определенное направление ходу ее решения.

Список литературы

ИРД – История русской драматургии: XVII – первая половина XIX века / отв. ред. Ю.М. Лотман. – Л. : Наука, 1982. – 532 с.

Одесский М.П. Поэтика русской драмы / М.П. Одесский. – М. : РГТУ, 2004. – 397 с.

Стенник Ю.В. Проблема периодизации русской литературы XVIII века / Ю.В. Стенник // XVIII век: Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века. – Вып. 16. – Л., 1989. – С. 17-31.